

Jolanta Józwiak

Можно ли Печорина заместить Гяуром в русско-польском переводе = Is it possible to replace "Pechorin" with "Giaur" in Russian-to-Polish translation?

Studia Rossica Posnaniensia 40/1, 137-141

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

МОЖНО ЛИ ПЕЧОРИНА ЗАМЕНИТЬ ГЯУРОМ
В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

IS IT POSSIBLE TO REPLACE 'PECHORIN' WITH 'GIAUR'
IN RUSSIAN-TO-POLISH TRANSLATION?

ЙОЛАНТА ЮЗВЯК

ABSTRACT. This paper is devoted to the problem of replacing one Russian cultural-background anthroponym that is used in Polish translations with a cultural-background element that is associated with a cultural circle other than the source and target cultures. A cognitive approach to the analyzed example allows one to understand the possibility of cultural-background's conversion and explain translators' individual choices.

Jolanta Józwiak, Uniwersytet Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz – Polska.

Если бы задать поставленный вопрос литературоведу, не следовало бы ожидать положительного ответа – ведь это другой персонаж, другое литературное произведение, другая культурная обстановка. Если попросить ответить лингвиста, соответствуют ли друг другу приведенные имена собственные в двух языковых системах или выполняют такую же роль в двух языках, ответ вернее всего был бы таким же. Однако если бы решение проблемы предложить переводчику или теоретику/критику перевода, прежде чем ответить, специалист мог бы задать примерные вопросы: в каком контексте?, о какой паре языков говорим?, какая роль данной единицы в оригинале?, какие черты персонажа следует передать из исходного текста в пространство культуры перевода? и т. д.

В рамках настоящей статьи постараемся дать ответ и на вопрос, поставленный в заглавии, и на потенциальные вопросы переводчика, которому в процессе перевода неоднократно приходится отвечать на вопросы подобного характера и принимать соответствующие переводческие решения.

В современном переводоведении перевод трактуется как особый акт межъязыковой коммуникации, учитывающий одновременно пространство широко понимаемых культур – исходной и принимающей, т. е. языковой и культурный контексты. В результате во время переводческого анализа целесообразно сосредоточить внимание на тех моментах, которые вызывают трудности в процессе установления диалога

культур. Такие культурные столкновения появляются между прочим тогда, когда в исходном тексте находятся элементы интертекстуального характера. Следует помнить, что такого типа единицы могут быть тесно связаны не только с культурой оригинала, но также с другими культурами.

Предлагаемые исследователями модели перевода опираются, с одной стороны, на лингвистические методы исследований, с другой стороны, они должны учитывать литературные отношения анализируемого произведения/текста с текстами, функционирующими уже в культуре перевода. Данный вопрос особенно важен в случае сильно культурно обусловленных элементов интертекстуального характера.

Интертекстуальность считается некоторыми учеными одним из свойств перевода, определяющим его суть с учетом категории интенциональности связного текста, который не является результатом оригинального художественного воплощения. Упомянутая интенциональность в переводе следует из конкретизации и концептуализации другого бытия – оригинала, т. е. из его интерпретации, обусловленной лично и общественно [Tokarz 2010: 167–168]. Роль переводчика заключается в передаче смыслов с учетом перцептивных возможностей инокультурных получателей.

Для рассмотрения заглавной проблемы следует привести исходную переводческую единицу *Печорин* в контекстуальном употреблении, ср.: „Фандорин, которого она считала порядочным человеком, – полицейский агент? А еще *Печорина* из себя разыгрывает! Интересная бледность, томный взор, благородная седина”. Приведенные слова высказывает героиня *Турецкого гамбита* Б. Акунина – Варя Суворова, когда узнает, кем на самом деле является главный герой детективного цикла Эраст Петрович Фандорин. Как следует из фрагмента, Варя сопоставляет свое представление о мужчине с фактическим состоянием. Фамилия *Печорин* временно дана Варей Эрасту Петровичу не только на основании некоторых черт внешнего вида, которые перечисляются в конце внутреннего монолога, но также на основании его прежнего поведения и черт характера. И именно последняя причина в какой-то степени оправдывает возможность перевести фрагмент следующим образом: „Fandorin, którego uważała za przyzwoitego człowieka, agentem policji? A jeszcze odgrywa *bajronicznego bohatera!* Interesująca bladeść, melancholijne spojrzenie, szlachetna siwizna”. Такой вариант предложил Jerzy Czech в польском переводе романа *Gambit turecki*.

Что случилось с *Печоринным*? В процессе перевода прецедентное имя, актуализирующее в сознании читателей оригинала целый ряд ассоциаций и являющееся *tertium comparationis* для метафорического сравнения персонажей, исчезает. Как это возможно?

Можно полагать, что различия в культурном опыте представителей языка оригинала и языка перевода показали переводчику настолько яркими, что принял решение о полной замене культурного фона, а именно, точнее говоря, замене упомянутого *tertium comparationis* для обеспечения ассоциаций, которые, видимо, были оценены им выше, чем сохранение исходного имени.

Модификация текста является в данном случае довольно сложной. Черты характера, на которые должен обратить внимание читатель, выдвинуты на первый план благодаря сравнению с героем являющегося частью русского литературного наследия романа Михаила Юрьевича Лермонтова *Герой нашего времени* – Печориным. Зато в тексте перевода наблюдается обращение к эпохе романтизма, имеющее более общий характер, достигнутое путем ссылки на другого автора и на другое произведение – поэму Джорджа Байрона *Гяур*.

Как было упомянуто, это не непосредственная замена имен, а общее указание на героя, ср. *bajroniczny bohater*. Таким образом, ассоциации направлены не просто на другой культурный круг, но на т. н. третью культуру, охватывающую „все элементы текста оригинала и/или перевода, чуждые как языку и культуре оригинала, так и языку и культуре перевода“ [Urbanek 2004: 160]. Оправдана ли замена такого характера? Твердой уверенности, может быть, и нет, но есть предпосылки для принятия подобного переводческого решения.

Во-первых, следовало бы задуматься, на какие черты героя хотел обратить внимание читателя Б. Акунин. В приведенном фрагменте перечислены некоторые особые приметы внешнего вида, в сфере представлений остаются черты характера, но, вероятнее всего, именно их надо считать ключевыми. Имеются в виду такие свойства Печорина, как: индивидуализм, отчуждение, сила воли, непрерывное искушение судьбы, постоянная игра с опасностью и большая роль роковой случайности при выборе решений, а также загадочность натуры, страдание, отражающееся во взгляде ощущение внутренней драмы [ср. Гуляева 1974; Лотман 2001].

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что намеченный в общих чертах портрет можно приписать более широкому кругу романтических героев, ведь не случайно Печорин является типичным „героем времени“. И действительно, подобного рода ассоциации возникают и в западной культуре благодаря произведениям Джорджа Байрона. Поэтому выражение *bajroniczny bohater* находит свое оправдание. Следует отметить, что замена основы сравнения, учитывающая индивидуализм, отчуждение и борьбу с судьбой героя, кажется еще более верной, если принять во внимание весь цикл романов о приключениях Эраста Фандорина (ведь *Турецкий гамбит* – это лишь только вторая

часть). Как замечает А. Майкевич, автор монографии об интертекстуальности в переводе, категория интертекстуальности, рассматриваемая через призму теории художественного перевода, в некоторой степени принуждает к заинтересованности в смыслообразующей функции межтекстовых отношений ввиду раскрытия всевозможных носителей смысла, гарантирующих выявление вышестоящего замысла текста [Майкевич 2008: 18–19].

С другой стороны, следовало бы убедиться, не удалось бы сохранить в тексте перевода использованный автором в оригинале элемент русской культуры. В теоретическом плане была бы возможность воспользоваться экзотирующей техникой, привести транскрибированный и одновременно узуальный вариант фамилии: *Pieczorin*, и таким образом попытаться оставить значимый элемент исходной культуры. Подобный прием возможен только при принятии предположения, что у польского читателя есть достаточные знания относительно *Героя нашего времени* М.Ю. Лермонтова. Выбор соответствия свидетельствует о том, что такой уверенности у переводчика не имелось. Конечно, можно было бы дополнить вышеназванную технику, например, объясняющей оговоркой или сноской, удерживая ассоциации в русском культурном кругу и, может быть, дополняя когнитивные знания читателей.

Можно поставить еще один вопрос: почему в польском варианте романа появилось общее выражение *bajroniczny bohater*, а не просто имя *Giaur*, которое в более конкретном плане в сознании польских читателей ассоциируется с романтизмом, индивидуализмом, страданием, отчуждением, а также с фамилией автора поэмы Джорджа Байрона? Можно даже полагать, что с именем Гяур, именем героя наиболее известной в польской культуре поэмы Дж. Байрона, связаны более точные коннотации, а еще дополнительно интертекстуальная ссылка могла бы иметь такой же характер, как в оригинале – появилось бы имя героя, а не являющаяся основой для определения фамилия автора произведения. В ситуации, когда в переводе изменился культурный фон, может быть, следовало бы решиться на конкретизацию?

Однако хотя переводчик стремится к наиболее полной передаче всех ценностей оригинала, его практические решения имеют авторский, индивидуальный характер. Поэтому надо отнестись к ним с уважением, при условии, конечно, что они осознанны и не являются переводческой ошибкой.

Если взглянуть на рассматриваемую проблему с когнитивной точки зрения, можно пойти еще далее в рассуждениях: Печорин и Гяур обладают такими же прототипными свойствами, и поэтому могут послужить своеобразным и равноценным *tertium comparationis* (в понимании А. Богуславского) для выделения черт героя Б. Акунина.

Следует подчеркнуть, что использование элементов когнитивного анализа может помочь объяснить некоторые переводческие решения и найти обоснование для определенного выбора.

Хотя ассоциации имеют индивидуальный характер, в каждой культуре, как известно, существует круг свойственных только ей коннотаций. Нередко в процессе передачи текста переводчик вынужден воспользоваться стереотипными представлениями о данной культуре для обеспечения возникновения требуемых ассоциаций. В когнитивном направлении происходит ссылка на прототипные, стереотипные сцены, сценарии [ср. Тэйлор 2001; Лангаккер 2009], которые помогают определить позицию исходной единицы в тексте и в культуре оригинала, а также роль ее потенциального соответствия в другом текстовом окружении и пространстве культуры перевода. И именно такой подход помогает объяснить, почему и при каких условиях Печорин может превратиться в Гяура в процессе перевода.

Литература

- А к у н и н Б., (1999/2007), *Турецкий гамбит*, Москва, „Захаров“;
- А к у н и н В., (2003), *Gambit turecki*, przeł. J. Czech, Warszawa, Świat Książki;
- Г у л я е в а Н.А., (ред), (1974), *Русский романтизм*, Москва, „Высшая школа“;
- L a n g a s k e r R.W., (2009), *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*, tłum. E. Tabakowska, M. Buchta, H. Kardela i in., Kraków, TAIWPN UNIVERSITAS;
- Л о т м а н Ю.М., (2001), *Учебник по русской литературе для средней школы*, Москва, Языки русской культуры;
- M a j k i e w i c z A., (2008), *Intertekstualność – implikacje dla teorii przekładu*, Warszawa, Wydaw. Naukowe PWN;
- T a y l o r J.R., (2001), *Kategoryzacja w języku. Prototypy w teorii językoznawczej*, tłum. A. Skucińska, Kraków, UNIVERSITAS;
- T o k a r z B., (2010), *Spotkania. Czasoprzestrzeń przekładu artystycznego*, Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego;
- U r b a n e k D., (2004), *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*, Warszawa, Wydaw. Trio, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.